

Международный общественный журнал
Теоретический орган Социалистической политической
партии «СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ – ПАТРИОТЫ – ЗА ПРАВДУ»

СВОБОДНАЯ МЫСЛЬ

Подписной индекс 79255

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ:

Виктор Спирин
Локализация на Канатчиковой даче.
Иностранные «инвестиции»
и российская «индустриальная
политика»

Вячеслав Бакланов
Кризис позднего капитализма
и грядущий посткапитализм

Роман Осин
Эволюция политической
экономики социализма

Валерий Минат
«Метамфетамин интенсивности труда».
Цифровая трансформация и искусственная реальность
в новых условиях эксплуатации труда

Михаил Ельчанинов
Основные концепции
мирового
порядка

Тамара Гузенкова
Глазами российских экспертов.
«Новая реальность»
в международных отношениях

Оуян Сянъин, Ли Чжожу
Диффузия и реконструкция международного справедливого
порядка в условиях турбулентных изменений
международного геополитического ландшафта

Илья Баскаков
Интересы Исламской
Республики Иран. Синтез
прагматизма и идеализма
во внешней политике

Антон Кондукторов
Выход из тупика. Американский
неоколониализм и новая
многосторонняя система
стратегического сдерживания

Андрей Пятаков, Николай Калашников
Гондурас: левый эксперимент и проблема стабильности

Григорий Водолазов
Ленинское наследие:
взгляд из XXI века

Сергей Богомолов
«Новый империализм»
Джона Гобсона

Ирина Майданская, Максим Майданский
Радикальное и умеренное Просвещение
в российской культуре XVIII столетия

2023
№ 6 (1702)

Издается с 1924 года

Радикальное и умеренное Просвещение в российской культуре XVIII столетия

© Майданская И. А., Майданский М. А.

© Maidanskaya I., Maidansky M.

Радикальное и умеренное Просвещение в российской культуре XVIII столетия

Radical and moderate Enlightenment in Russian culture of the 18th century

Аннотация. На материале российской интеллектуальной истории рассмотрена концепция двух линий Просвещения – радикального и умеренного – в трудах известного английского историка Джонатана Израэля. Основное внимание уделено рефлексивным связям русской культуры XVIII столетия с западной философией Просвещения – от Христиана Вольфа до Гельвеция.

Annotation. The concept of two lines of Enlightenment – radical and moderate – in the works of the famous English historian Jonathan Israel is considered on the material of Russian intellectual history. The main attention is paid to the reflexive links between the Russian culture of the 18th century and the Western philosophy of the Enlightenment, from Christian Wolff to Helvetius.

Ключевые слова. Джонатан Израэль, радикальное Просвещение, умеренное Просвещение, авторитарный популизм, интеллектуальные контакты, Екатерина II, Радищев.

Key words. Jonathan Israel, radical Enlightenment, moderate Enlightenment, authoritarian populism, intellectual contacts, Catherine the Great, Radishchev.

Цикл работ по истории культуры Просвещения, созданный в последние четверть века английским историком Джонатаном Израэлем (Jonathan I. Israel), принес ему мировую славу и положил начало очередной волне полемики об истоках, характере и судьбе движения Просвещения. В концепции Дж. Израэля переплетены исследования политической истории и разнообразных интеллектуальных течений. В настоящей статье предпринята попытка выделить в его работах «русскую линию» и осмыслить результаты исследования. Основное внимание уделено рефлексивным связям первых отечественных философских исканий с западной философией, в ту эпоху находившейся в полном расцвете сил.

Стоит оговориться, что Дж. Израэль не является специалистом по России и русской культуре. Взгляд постороннего может быть интересен и полезен

МАЙДАНСКАЯ Ирина Александровна — доцент кафедры философии Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат философских наук.

МАЙДАНСКИЙ Максим Андреевич — аналитик дирекции программ стратегического развития и повышения конкурентоспособности Белгородского государственного национального исследовательского университета.

для нас, особенно если принять во внимание проницательность Дж. Израэля в сочетании с достаточно свободным ориентированием в русской интеллектуальной истории.

* * *

В первой нашумевшей книге Дж. Израэля «Радикальное Просвещение: философия и создание современности» (2001) Россия упоминалась нечасто — как правило, в ряду других североевропейских монархий. На ведущие роли в Европе Россия могла претендовать тогда в военно-политической сфере, в культурном же отношении она находилась на периферии движения Просвещения. Что же касается *радикального* Просвещения, сформировавшего основополагающие ценности «постхристианской эры», то Россия, по мнению Израэля, не достигла его главных целей¹.

В общественно-политической жизни это идеал народовластия, защита гражданского равноправия и свободы слова, открытый атеизм, а в философии, бывшей в то время синонимом научного мышления вообще, — апелляция к разуму как единственному мерилу истины.

Наиболее опасными противниками радикального Просвещения были вовсе не консерваторы и реакционеры, влияние которых в исторической перспективе медленно, но верно сходило на нет. Более мощную альтернативу радикальному Просвещению представляла собой система идей *умеренного Просвещения*, в рамках которой кристаллизовался классический западный либерализм.

Лидером радикальной партии был голландец Спиноза, наиболее крупным мыслителем среди умеренных просветителей — немец Лейбниц. Последние (к их числу, помимо Лейбница, относятся прежде всего Бейль, Локк, Вольтер, Юм) делали ставку на просвещение элит, в то время как радикалы (Толанд, Мандевиль, Гольбах, Дидро, Пейн) добивались всеобщего просвещения. Умеренные стояли за просвещенную и законодательно ограниченную монархию, радикалы были республиканцами.

Взгляды умеренных просветителей получили значительно более широкое распространение. На короткой исторической дистанции выработанная ими стратегия работала явно эффективнее. Вольтер стал кумиром образованного общества и законодателем интеллектуальных мод, вплоть до театральной. Его сочинения активно переводились и на русский язык, — Вольтеру подражал «отец русского театра» А. П. Сумароков.

Умеренные просветители не одобряли революционные устремления, стремились отмежеваться от своих радикальных собратьев в глазах властей. «Лейбниц... с самого начала понял, какие далеко идущие последствия для всего человечества имеет новое радикальное философское движение.

¹ «Радикальное Просвещение есть система идей, которая исторически, в постхристианскую эру, в основном формирует основные социальные и культурные ценности западного мира... Этот тип мышления стал главной надеждой и вдохновляющим идеалом многих преследуемых гуманистов, поборников равенства и прав человека во многих странах Азии и Африки» [10. Р. XI].

Будучи приверженцем княжеской власти и религии, стремясь к объединению и укреплению церкви, Лейбниц стал главным и самым решительным из всех противников радикальной мысли, а также главным архитектором мейнстримового, умеренного Просвещения в Германии, Скандинавии и России» [11. Р. 502].

Лейбниц неоднократно обращался к Петру I и его министрам с разного рода проектами и «мемориалами» (включая чертеж канала между Доном и Волгой и обширный план системы образования) и в частной переписке высказывал намерение «быть издали в некотором роде Солоном России». В 1697—1717 гг. во время своих зарубежных поездок Петр пять раз встречался с Лейбницем и в 1712-м принял ученого на службу в чине тайного советника с соответствующим жалованием.

Ученик Лейбница Христиан Вольф создал новые учебные программы, учебники и руководства для обучения в университетах ключевым дисциплинам — метафизике, теологии, логике, риторике и юриспруденции. В трактате «Натуральная теология» Вольф нашел общий язык с религией и выступил против атеизма в лице Спинозы (хотя в свое время Вольфа обвиняли в спинозизме и даже изгнали из университета).

Предложение стать соучредителем петербургской Академии Вольф отклонил, но благодаря его посредничеству ряд видных ученых отправились в Петербург. Неудивительно, что среди первых русских академиков, немцев и шведов, преобладали приверженцы его философии — вольфианцы. В конце жизни Вольф согласился стать научным руководителем трех русских студентов в Марбурге и в этом качестве писал отчеты об их успеваемости и поведении в Петербург. Старшим и самым талантливым из этих студентов был М. В. Ломоносов. В принадлежащем перу этого великого русского ученого «Кратком руководстве к красноречию» целые параграфы заимствованы из сочинений учителя [4].

К середине XVIII в. в России, как и в Северной Европе (Германия и Скандинавия), вольфианская школа безоговорочно доминировала, причем у нас — не только в Московском университете, в то время единственном в стране, но даже и в православных духовных училищах². «В Швеции и России Вольф буквально смел [swert] всех своих предшественников» [11. Р. 556]. Таким образом, Россия влилась в движение «умеренного» Просвещения.

* * *

Радикальные просветители бросали прямой вызов государственным властям и религиям, поэтому их сочинения печатались в основном нелегально и анонимно, вскоре попадая в индексы запрещенных книг.

² «Прочнее всего в русской школе утвердилось вольфовское направление, господствовавшее в духовных заведениях до самого последнего времени. Один только Сковорода пошел иным путем и был весь на стороне мистицизма», — отмечал автор изданного в 1890 г. первого очерка русской философии Я. Колубовский [3. С. 519].

В России условия для распространения радикального Просвещения были еще менее благоприятными. Фактически оно началось лишь во времена А. Н. Радищева.

Особый интерес представляет исследование связей радикального Просвещения с русской культурой, проделанное в следующей книге Дж. Израэля, «Демократическое Просвещение: философия, революция и права человека, 1750—1790» [10]. Глава, посвященная Радищеву, называется «Первый радикал России». Но прежде Израэль обращается к интеллектуальным контактам французских просветителей с Екатериной II.

«Умеренный» Вольтер приветствовал вторжение русского флота в православную Грецию и призывал освободить колыбель философии — Афины (а заодно и Константинополь) от власти турок. Этот русский «крестовый поход» Вольтер называл не иначе как «философским», выражая надежду, что Екатерине удастся превратить «гнусную турецкую тюрьму в прекраснейшее место на земле» [10. С. 609].

Радикальные же просветители остерегались российской экспансии, подчеркивая деспотический характер имперской власти и низкий уровень культурного развития, «варварство» основной массы населения. В этом смысле весьма характерны рассуждения о России в «Общественном договоре» Руссо. «Русские никогда не будут по-настоящему способны к гражданской жизни, потому что она у них возникла слишком рано. Петр обладал даром подражания, но у него не было истинного дарования, ...которое творит и создает все из ничего. Он понял, что его народ — варварский, но не понял, что этот народ не созрел для гражданской жизни» [8. С. 153]. По мнению Руссо, вместо подражания немцам и англичанам, Петру следовало «начать с того, чтобы сделать русских русскими», т. е. развить *самобытные* начала русской цивилизации до уровня тогдашних западноевропейских.

Практически все радикальные просветители были сторонниками независимости Польши и поддерживали конфедератов в борьбе с королем Станиславом-Августом, ставленником императрицы Екатерины. Руссо написал проект реформ, озаглавленный «Соображения об образе правления в Польше и о плане его переустройства» (1770), который передал польскому графу Виельгорскому (почему-то лишь полгода спустя после его написания). «Проект реформ Польского государства является, по общему мнению исследователей, венцом политического творчества Руссо» [2. С. 487]. Однако ключевые идеи Руссо — освобождение «рабов», т. е. крепостных крестьян, и создание народного ополчения для защиты независимости государства — были категорически отвергнуты поляками.

Альтернативный, не столь радикально республиканский проект реформ написал аббат Мабли, назвав его просто: «Правительство и законы Польши» (1770). Он призывал поляков развивать демократические начала своей государственности, осуществив с этой целью ряд социально-политических реформ «на основе философии». Мабли, как и Руссо, настаивал на полном освобождении крепостных, пусть и не сразу, а дождавшись благоприятных

обстоятельств. «Сильный гражданский культ, — соглашался Мабли с Руссо, — составляет необходимое условие жизнеспособной республики» [10. Р. 611].

Екатерина II, разумеется, была противницей радикальных целей Просвещения, но относилась с несомненным и неизменным уважением к лидеру французских радикалов Дени Дидро и его собратьям по разуму, даже планировала способствовать русскому переводу «Энциклопедии» в полном объеме. Как известно, Екатерина вела активную переписку с Дидро и купила его превосходную библиотеку.

Дж. Израэль полемизирует со стереотипным «представлением о том, что Екатерина была просвещенной в начале своего правления, отступилась от своих убеждений после пугачевского восстания 1773 г., а после 1789-го и вовсе отказалась от Просвещения. На деле в подходах ее и близких ей людей было гораздо больше последовательности, чем можно было бы предположить на основе этой схемы» [10. Р. 612]. Однако обстоятельной аргументации последнего тезиса Израэль не представил. Его мнение о «большей последовательности» императрицы в приверженности идеалам умеренного Просвещения опирается в основном на изучение ее переписки с просветителями. Такого рода материал позволяет, самое большее, доказать, что Екатерина II *желала*, чтобы просветители считали ее своей сторонницей, и дорожила репутацией просвещенного монарха, в то время как ее реальная политика расходилась с идеалами Просвещения, даже умеренного.

Молодой А. Н. Радищев, как и Вольтер, горячо сочувствовал делу освобождения Греции от турецкого ига и даже перевел памфлет, призывавший к международной помощи восставшим грекам. К окончанию обучения в Лейпцигском университете Радищев стал убежденным сторонником Просвещения, примкнув к его радикально-демократическому крылу, и взялся за перевод «Наблюдений над греками» Мабли, написанных в 1749 г. «В этой работе Мабли не только провозглашает, что отвращение к монархии и подъем республиканского духа сделали Грецию великой, но и прямо говорит, что только такого рода “революция” может освободить людей от порабощения, покорного декадентства и нехватки духа общности» [10. Р. 616]. Свержение монархии и учреждение республики, по мысли Мабли, было самой великой и фундаментальной революцией в истории человечества, давшей грекам «новую жизнь» и породившей лучшие образцы философии, искусства, морали и права.

Екатерина II поощряла восторженные воспоминания и рассуждения Вольтера о культуре Древней Греции, его предложения изгнать с греческой земли турок, «превративших афинский театр в огород, а Лицей — в конюшню». Она приветствовала религиозный пыл современных православных народов, видевших в Греции родину христианской веры, но, разумеется, не могла одобрить превознесения античных республик и демократии. Поддержка православия служила ей поводом для военно-политической

экспансии в юго-восточную Европу и Польшу, где православные также были угнетены.

* * *

Первым вдохновителем русского радикального Просвещения можно назвать Гельвеция. Если в России задавали тон в публичном просветительском дискурсе идеи «умеренных» Вольтера и Вольфа, то взгляды Гельвеция оказали мощное влияние на формирование русского вольнодумства — того «подземного» течения общественной мысли, из которого впоследствии вырастет русская революционно-демократическая традиция.

Первая книга Гельвеция, «Об уме», была почти немедленно запрещена во Франции. Взгляды Гельвеция не одобрил никто из его друзей-энциклопедистов (сам Гельвеций в «Энциклопедию» статей не писал). Дидро сочинил два «опровержения» учения Гельвеция. Написал возражение и Руссо, но сжег его, чтобы не участвовать в кампании травли своего друга.

В личной библиотеке Екатерины имелся экземпляр первого издания «Об уме». Взгляды автора она не комментировала, но в переписке с Г. Гриммом с негодованием упомянула, как Гельвеций признался прусскому королю Фридриху в том, что «намерение философов заключалось в ниспровержении всех престолов, и что энциклопедия написана не в иных целях, как только в уничтожении королей и христианской религии» [7. С. 15].

Неудивительно, что в России оказалось практически невозможно издать перевод Гельвеция. В 1788 г. в Тамбове «Вольная типография» напечатала книжечку под заглавием «Дух Гельвеция» объемом в 42 страницы карманного формата [1]. Автор изложил, как сумел, некоторые мысли Гельвеция, укрывшись за инициалами «Д. Б.», и посвятил «первенца литературных трудов» своих генерал-прокурору, его сиятельству А. А. Вяземскому.

Радищев прочитал запретную книгу Гельвеция вместе с другими русскими студентами в Лейпциге. «Общество юношей в его сочинении мыслить училося», — вспоминал он впоследствии [6. С. 227]. Друг Радищева Ф. В. Ушаков начал писать комментарии к Гельвецию — частью на немецком, частью на французском, но заболел и умер. Радищев издал написанное в русском переводе во второй части своего «Жития Федора Васильевича Ушакова» (1789). По словам Дж. Израэля, «открытие ими Гельвеция и дискуссии в Лейпциге посеяли семена борьбы между радикальным и умеренным Просвещением в российском контексте» [10. Р. 618].

«Завершением литературного оформления русского радикального крыла» просветителей Дж. Израэль объявляет знаменитую оду «Вольность», где Радищев выражает восхищение примером американской революции, предсказывая свержение самодержавия и призывая к народному восстанию в духе Мабли и Мелье.

«Путешествие из Петербурга в Москву», оконченное немногим позже, по мнению Израэля, написано под влиянием «Философской истории» аббата Рейналя. При этом он ссылается на зарубежные исследования³ и, как обычно, на заметки Екатерины II, где она утверждает, что пассаж о рабах, которые любят свои оковы и не выносят освобождения других, «заимствован большей частью из книги аббата Рейналя» [10. Р. 628]. «Она была права», — резюмирует Дж. Израэль.

Из письменного заявления Радищева известно, что он был знаком с женевским изданием «Философской истории» (1780) Рейналя и «хотел подражать его стилю». Однако заявление это было написано с надеждой получить прощение императрицы, и слова Радищева могли быть лишь попыткой оправдаться «тлетворным влиянием Запада». Ведь Радищев сделался радикалом еще в пору студенчества.

Под женевским изданием Рейналь впервые поставил свое имя (предыдущие издания, начиная с амстердамского 1770 г., выходили анонимно). В него он включил материалы о революции в Америке, и год спустя французский парламент постановил сжечь книгу и арестовать автора. Рейналь бежал за границу. Побывал он и в России, где Екатерина II дала ему аудиенцию, несмотря на свою резко негативную оценку его труда, особенно главы о России.

Немало внимания Дж. Израэль уделяет контраргументам Екатерины, оставившей довольно подробные критические заметки по тексту радищевского «Путешествия». В особенности ее возмутили строки из «Вольности», которые Радищев не рискнул опубликовать при первом издании, — такие, как похвала царевубийству Кромвеля.

Понятно, что все симпатии Дж. Израэля на стороне «радикала» Радищева. Однако британский историк отнюдь не является сторонником политических «радикалов» в традиционном смысле этого слова. В недавней книге о «неудаче Просвещения» он предлагает «зарезервировать термин “радикальные” за конкретными просветительскими тенденциями» — защитой всеобщих прав человека и международной солидарности людей. Тогда как социальные группы, которые марксистская историография ассоциирует с «радикализмом» — бунтующие крестьяне, санкюлоты, монтаньяры, особенно если они проявляют нетерпимость, ностальгию по воображаемому прошлому, склонность к насилию, репрессивные, ретроградные и авторитарные тенденции, историк должен, по его мнению, называть не «радикалами», но «авторитарными популистами» [12. Р. 476].

Так, Робеспьера он считает «антифилософом» и контрреволюционером, предавшим идеалы радикального Просвещения. Теоретическую ответственность за якобинскую диктатуру Дж. Израэль возлагает на популистские идеи Руссо. Справедливость этой оценки у нас, как и у некоторых других критиков Дж. Израэля, вызывает сомнения.

³ На русском языке имеется специальная монография, посвященная выяснению влияния, сходства и отличий взглядов Рейналя и Радищева [5].

* * *

Предложенная Дж. Израэлем координатная плоскость — «радикальное Просвещение против умеренного» — вполне пригодна и плодотворна для исследования российской интеллектуальной истории. Конечно, сам этот автор не претендует на полноту своей российской картины. Умеренное Просвещение представлено в его книгах лишь фигурами Екатерины II и ее приближенных (в частности, княгини Дашковой, лично общавшейся с Вольтером, Рейналем и Дидро), не являвшихся оригинальными мыслителями.

Лучше всего Дж. Израэлю удастся проследить преемственность взглядов русских просветителей в отношении взглядов их немецких и французских собратьев. Было бы интересно продолжить это исследование на материале следующего, XIX в., в течение которого противостояние радикального и умеренного Просвещения достигло в России наибольшей остроты.

Литература

1. **Д. Б.** Дух Гельвеция. Тамбов : Вольная типография, 1788.
2. **Занин С. В.** Проект реформы Польского государства // **Руссо Ж.-Ж.** Политические сочинения / сост. Б. Бернарди, С. В. Занин ; отв. ред. И. А. Исаев. СПб. : Росток, 2013.
3. **Колубовский Я.** Философия у русских // **Иберверг-Гейнце Ф.** История новой философии в сжатом очерке : в приложении очерки философии у славян и два указателя / пер. Я. Колубовского. СПб. : Издательство Л. Ф. Пантелеева, 1890.
4. **Ломоносов М. В.** Краткое руководство к красноречию. СПб., 1748.
5. **Моряков В. И.** Из истории эволюции общественно-политических взглядов просветителей конца XVIII века: Рейналь и Радищев. М. : Издательство МГУ, 1981.
6. **Радищев А. Н.** Избранные философские сочинения. М. : Госполитиздат, 1949.
7. **Радлов Э. Л.** К. Гельвеций и его влияние в России. Пг. : Типография М. М. Стасюлевича, 1917.
8. **Руссо Ж.-Ж.** Общественный договор, или Начала политического права // Руссо Ж.-Ж. Политические сочинения / сост. : Б. Бернарди, С. В. Занин ; отв. ред. И. А. Исаев.
9. **Israel J. I.** A revolution of the mind: Radical Enlightenment and the intellectual origins of modern democracy. Princeton ; Oxford : Princeton University Press, 2010.
10. **Israel J. I.** Democratic Enlightenment: Philosophy, revolution, and human rights 1750—1790. N. Y. : Oxford University Press, 2010.
11. **Israel J. I.** Radical Enlightenment: Philosophy and the Making of Modernity, 1650—1750. N. Y. : Oxford University Press, 2001.
12. **Israel J. I.** The Enlightenment that Failed: Ideas, Revolution, and Democratic Defeat, 1748—1830. N. Y. : Oxford University Press, 2019. ◆